

антипод во всех отношениях и компонентах. Язычество в течение веков, еще в дохристианскую пору, эволюционировало и во многом сохраняло наслоения разных периодов. Об этом свидетельствуют письменные памятники древнеанглийского языка, сочетающие в себе элементы фольклорных и авторских произведений времен после христианизации. Загадки, написанные на народном древнеанглийском языке (в отличие от загадок, созданных в Англии на латыни), кажется, сами находятся на периферии языческой и христианской традиций: люди, умевшие создавать поэтические произведения на родном языке, могли примирить в себе и без колебания соединять священное и профанное. Мировоззрение, которое нашло свое отражение в загадках, может рассматриваться как народное христианское.

Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1994.

Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

Леннурт Л. Древность и средневековье [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.norse.narod.ru/articles/lennurt.html

Смирницкая О. А. Эпос северной Европы. Пути развития. М., 1989.

Хейзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М., 1997.

Branton B. The Lost Gods of England. L., 1974.

Porter J. Anglo-Saxon Riddles. Norfolk, 2003.

The Exeter Book Riddles / Translated and introduced by Kevin Crossley-Holland. Penguin, 1993.

Статья поступила в редакцию 19.03.07.

В. Н. Соломеина

МЕМУАРЫ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Рассматривается самоопределение личности в мемуарах Петровского времени в двух аспектах: как выбор пути и как рост личностного начала. Выбор индивидуального пути может совпадать с магистральным направлением развития страны и может осложняться особенностями переходного времени и личными качествами человека. Рост личностного начала связывается с появлением жанра автобиографии и проявлением авторского «я» в других жанрах (путевые записки). Исследование ведется на материале путевых записок и автобиографий современников эпохи.

Особенностью Петровской эпохи (конец XVII — первая четверть XVIII в.) является ее переходный характер, когда человек осознает несовершенство традиционных форм жизни и открывает красоту новых форм. Идеи, заполнившие ментальное пространство Петровской эпохи, были, безусловно, эволюционные, но их реализация отличалась крайней грубостью и часто носила отталкивающий характер. Старые формы вступали

в противоречие с новым содержанием. Этим объясняется и двойственный характер эпохи: одновременное сосуществование старого и нового, разрушения и созидания.

Петровское время — время больших общественно-экономических, социальных и политических преобразований. Реформы высших и центральных органов государственного управления, создание военно-морского флота и регулярной армии нового типа, развитие науки, промышленности и торговли приблизили Россию по уровню развития к передовым европейским государствам. Военные победы, одержанные над армией Карла XII, принесли признание ее военного могущества. Проводились просветительные мероприятия: открывались школы, гимназии и университет при Академии наук, молодые люди посылались за границу для обучения наукам и «политичным нравам» [см.: История русской литературы, 1980, 421].

Результаты преобразований не замедлили сказаться и в области культуры. Русский философ Г. Федотов указывает на два типа культуры, сложившихся в Петровскую эпоху, порожденных противостоянием, с одной стороны, петербургской империи, с другой стороны, Московского царства. Петербургская империя опиралась на просвещение, под которым понималась западная культура. Эта чуждая России культура насаждалась насильственно, но была необходима, так как «старая московская государственность стояла перед неизбежной гибелью». Устарели техника и формы народного хозяйства. Нужны были наука и новые приемы хозяйствования. Россия в лице Петра I выбрала европейский путь развития («европейскую дорожку»). Но при этом не умерла и старая, допетровская Русь. Таким образом, впоследствии, как пишет Федотов, сложилось два типа культуры: православно-национальная и космополитически-безбожная западная [см.: Федотов, 1992, 130].

Под влиянием идей эпохи неизбежно менялся и человек. «Пусть они (высокие идеи. — В. С.) насыщают грядущую эволюцию не только внешними преобразованиями, но и изменениями внутреннего человека» [Рерих, 2000, 374]. Понять процесс самоопределения человека в переходную эпоху лучше всего помогут свидетельства людей о самих себе, об эпохе, т. е. мемуары, принадлежащие перу современников.

Мемуары составляют особый жанр, разновидностью которого являются записки о событиях, автобиографии, дневники. По содержанию — это воспоминания о прошлом, написанные участниками или очевидцами каких-либо событий. Записки, представляющие собой повествования о значительных событиях внутренней и внешнеполитической жизни страны, рассказывающие об исторических деятелях, — одна из наиболее распространенных разновидностей мемуарной литературы [см.: Тартаковский, 1991, 35]. Автобиографии рассматривают события через призму жизненного пути автора. Дневник, в отличие от записок, состоит из отрывочных записей, заносимых всегда синхронно событиям. Многие исследователи (Г. Г. Елизаветина, Л. Я. Гаранин, Т. А. Марахова и др.), с которыми мы согласны, относят дневники также к мемуарной литературе. Разновидностью дневников являются путевые записки — одна из наиболее широко представленных жанровых групп мемуарной литературы Петровского времени. Их правомочно отнести к мемуарному жанру, поскольку они представляют собой поденные записи, т. е. те же дневники. Кроме того, путевые записки, как правило, обрабатывались после путешествия на основе путевых дневников, следовательно, в них присутствует ретроспективный взгляд автора на события.

Для решения проблемы самоопределения личности из всего корпуса мемуарной литературы Петровской эпохи выбраны те произведения, в которых наиболее ярко нашло отражение авторское начало. Здесь в первую очередь следует назвать произведения

князя Б. И. Куракина различных жанров: автобиография (1709), путевые записки (1705—1710), «Гистория о царе Петре Алексеевиче» (1727) — историческое произведение с мемуарными элементами (записки о событиях). Выбор сочинений Куракина обусловлен его богатой биографией.

Борис Иванович Куракин (1676—1727) — генерал-майор, полковник лейб-гвардии Семеновского полка, один из первых русских профессиональных дипломатов. В молодости был направлен волонтером в Италию, где изучал математику, фортификацию, европейские языки. Как военный, принимал участие в крупных военных баталиях: Азовских походах, походе под Нарву, Полтавском сражении.

Несомненный интерес для данной темы представляют путевые записки 1697—1699 гг. П. А. Толстого — человека, обладавшего незаурядными государственными и дипломатическими способностями, сочетавшего блестящую память и острый ум, осторожность и дальновидность в решении политических проблем, высокую образованность и культуру общения, названного современником «умнейшей головой в России» [Ольшевская, Травников, 1992, 263]. Петр Андреевич Толстой (1645—1729) был стольником царя Федора Алексеевича, при Петре I в качестве волонтера обучался морскому делу в Италии, позднее служил дипломатом в Турции и странах Западной Европы.

Произведение другого дипломата — Андрея Артамоновича Матвеева (1666—1728) — представляет собой переходную форму между статейными списками и путевыми записками, что нашло отражение в его заглавии — «Архив, или Статейный список московского посольства, бывшего во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день». Но оно также отражает разнообразные наблюдения автора над жизнью западноевропейских стран.

Особенность любой переходной эпохи в том, что человек неизбежно оказывается перед выбором: выбрать новые, ведущие идеи своего времени или остаться со стариной. Авторы мемуарных записок оказались в ситуации выбора, который в условиях Петровской России обозначился как выбор между западной ориентацией и традиционной жизнью. И Куракин, и Толстой, и Матвеев стали убежденными западниками. Именно их путевые записки являют собой яркий пример мощного устремления России к западной культуре.

Конечно, путешествовали и во времена Древней Руси — паломники, купцы, посланники, и они оставили множество путевых записок — паломнических и светских хождений, статейных списков. Но в конце XVII — начале XVIII в., как отметил исследователь путевых записок С. Н. Травников, коренным образом меняется целевая установка путешествия: «Она заключается не в приобщении к религиозному опыту прошлого, не в “восхождении души по лестнице добродетелей”, проповедуемых церковью, а в образовании ума и сердца, в воспитании нового, светского по своим воззрениям человека. <...> Русский человек, отправляющийся в Западную Европу с целью познания наук и искусств, быстро освобождался от средневековых представлений, жадно впитывал новые идеи. В то время, как путешественник преодолевал реальные пространства европейских стран, его ум восходил по ступеням просвещения к вершинам познания» [Травников, 1987, 70, 79].

«Вершины познания», как видит читатель путевых записок, состоят из многих ступеней — практически все сферы политической, торговой, культурной жизни западноевропейских стран затронуты в записках. Русский путешественник оказался необыкновенно восприимчив к чужой культуре. Ничего не отвергая, ничего не отрицая, ко всему подходя доброжелательно и с открытым сердцем, он впитывает новые формы культуры, чтобы потом утвердить их у себя на родине.

Особый интерес у путешественников вызывают образовательные учреждения: академии, школы, библиотеки. Толстой, посетив университет в Неаполе, составил его подробное описание, привел сведения об университетском здании, изучаемых науках, условиях обучения, выпускных испытаниях, вопросах финансирования [см.: Толстой, 1992, 139]. Куракин присутствовал на анатомической лекции доктора Бидлоо в г. Лейдене, где препарировался труп человека и демонстрировались его внутренние органы, посетил также и анатомическую палату с заспиртованными экспонатами: «Бальзаматы видел всех внутренних членов человеческого, как мужеских полов, так и женских: руки и ноги... и глаза вынутые и все внутренние жилы и кости, и составы, так вельми дивная вещь, что нигде мог такой диковинки видеть...» [Архив князя Куракина, 1890, 142, 143]. Толстой был поражен богатством библиотеки Ватиканского дворца и Амброзианской библиотеки в Милане, где были представлены книги на разных языках, рукописи, глобусы: «В той же библиотеке видел зело великие глобусы, земной и небесной, изрядным математицким мастерством зделаны. В той же библиотеке видел множество древних книг розных языков... и иные старые писма видел, которые писаны розными языки по бересте и по дереву, зело древние удивительные вещи. В той библиотеке всех книг обретається 40 000 с лишком» [Толстой, 1992, 91, 196].

Герои путевых записок обладают особой восприимчивостью к красоте в разных видах искусства: архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, скульптуре, театре, музыке. Все без исключения путешественники очарованы красотой и затейливостью садово-парковых комплексов и их непременно атрибутом — фонтанами. Красота их такова, что «не можно подробну описать». Есть фонтаны-шутихи, фонтаны, где вместо воды текут «вина розные виноградные, красные и белые...» [Там же, 139].

Неотразимое впечатление на русских путешественников произвела западная музыка, как светская, так и церковная, «спеваная и играная». Ни один из них не остался равнодушен к этому виду искусства, посвятив немало восторженных строк и музыкальным инструментам, и технике исполнения, и пению. Толстой слушал хоровое пение в девичьем монастыре в Венеции: «...Девичи... играют на хорах таково изрядно, что во всем свете такова слаткаго пения и согласия нигде не обретається, и таково предивно, что всех слушающих того пения приводят во изумление» [Там же, 109]. Русский человек знакомится и с новыми музыкальными жанрами, которым, прежде чем представить их русскому читателю, требуется дать определение. Так, например, Куракин поясняет: «Серенады, то есть музыка с певчими, на подобие оперы, только что не в театруме — в каморах» [Архив князя Куракина, 1890, 201].

В конце XVII в. в России не было общественного театра, поэтому театр воспринимается русскими путешественниками как некое чудо. Их восхищает и игра актеров, и спектакли, и театральное здание. «В Венецы бывают оперы и комеди предивные, которых в совершенство описать никто не может, — пишет Толстой, — и нигде на всем свете таких предивных оперов и комедей нет и не бывает». Далее Толстой подробно описывает устройство театра, называя при этом ложи чуланами, костюмы артистов, музыку, стоимость постановки одного спектакля [Толстой, 1992, 106]. Матвеев отметил также и другие виды театра — ученический и домашний (в Париже): «...Высоких фамилий господа и госпожи молодые в домах своих, делая театры, то же чинили для обучения лутчаго и безззорного себе пения, музыки и танцов, особливо же изряднаго изречения языку французкаго, имея при себе молодых мужеска и женска полу детей, из чего оне благовременной и полезной получают себе случай ко всякому искусству из такой изрядной свободы» [Русский дипломат..., 1972, 197].

Путешественников радуют театрализованные представления: карнавалы, маскарады, гуляния. Карнавалы сопровождаются массой развлечений: «Травят меделянскими сабаками великих быков, и иные всякие потехи чинят, и по морю ездят в гундалах и барках с музыкою» [Толстой, 1992, 107]. Во время римского карнавала Толстого привлекала необычная забава: «И обыкновение имеют такое, что честных людей жены и дочери-девицы ездят в изрядных коретах, когда с кем встретится, со знакомым или незнакомым, тогда друг в друга мечут сахарами и тем веселятся; и столко много насыплется сахаров по римским улицам, власно как бы снегом были прикрыты» [Там же, 224]. Куракин, встретивший Пасху в Гааге, насчитал 10 развлекательных мероприятий, которым предаются голландцы на Святой неделе [см.: Архив князя Куракина, 1890, 156].

Неподеленный интерес вызывают у мемуаристов отношения мужчины и женщины на Западе. Русского человека, привыкшего к замкнутому образу жизни женщины в России, поражает та свобода, которой пользуются европейские женщины. Они могут совершенно свободно присутствовать на раутах, посещать увеселительные представления и гуляния, общаться с мужчинами. Куракин, приглашенный в Вене на обед у цесаревны, был поражен такой свободой отношений: «...Кавалеров была камора полна и набита вся, и великою смелостью с дамами разговаривают без всякого опасения» [Там же, 223]. Матвеев, проживая в Париже, был совершенно очарован изяществом и утонченностью французских женщин: «Ни самой женской пол Франции никакого зазору отнюдь не имеет во всех честных обращающахся поведеньях с мужеским полом, как бы самыя мужи со всяким сладким и человеколюбным приемством и учтивостью» [Русский дипломат..., 1972, 197].

Не случайно были выбраны именно эти эпизоды из путевых записок. Путешественников, как правило, привлекали те явления культурной жизни, которых не было в России. Своим желанием, своей мыслью они незримо утверждали эти элементы культуры у себя на родине. И действительно, начало XVIII в. в России изобилует культурными установлениями, уже претворенными в жизнь. Возникают, как отмечает Куракин, светские школы, Морская академия, утверждается проект основания Академии наук. Была создана первая в стране публичная библиотека. С 1718 г. в столице учреждаются ассамблеи, благодаря которым столичные жители усваивали светские манеры, непринужденность в беседе, мужчины и женщины учились общаться между собой. Ассамблеи сыграли свою роль в раскрепощении женщины. Столичные дамы были особенно довольны этим нововведением, так как настал конец их затворнической жизни [см.: Павленко, 2003, 343–344].

Х. Ф. Вебер, брауншвейг-люнебургский резидент, констатирует наличие массы других увеселительно-развлекательных объектов: царь завел превосходные сады с оранжереями, водометами, приказал составить план постройки здания для оперы и концертов [см.: Вебер, 1872, 1419]. Закладывается Летний сад — любимое детище Петра.

Создается первый общественный театр в Москве (театр Куншта — Фюрста), хотя попытка эта и не была удачной. Ввозятся из-за границы произведения живописи и скульптуры.

Историк русской литературы А. Н. Пыпин по поводу записок П. А. Толстого отметил, как вырабатывалась такая терпимость отношения к западной культуре (этот вывод в полной мере можно отнести и к другим путевым запискам Петровского времени): «Любопытно наблюдать эту двойственность взглядов, когда старое еще более или менее крепко держалось в умах, а новое против воли захватывало своими поражающими впечатлениями. <...> Но один важный результат был уже приобретен. Старая нетерпи-

мость к латинскому, или все равно люторскому, Западу была подорвана одним первым знакомством с его жизнью; с другой стороны, приобретено было великое уважение к западному знанию и искусству, которые были не подозрительною “хитростью”, а плодом ума, учения и трудолюбия» [Пыпин, 1911, 236, 239].

Сложность этого периода, в котором «старое и новое причудливо перемешивались», не могла не отразиться на особенностях выбора пути человеком Петровской эпохи. Ю. М. Лотман описал жизнь одного из «птенцов гнезда Петрова» — М. П. Аврамова, который в своих проектах пытался совместить Петровские реформы, считая их, безусловно, полезными, с никоновской мыслью о постановке сильной, управляющей церкви выше государственности, т. е. возвратиться к идеализированной старине. Но в переломные эпохи срединный путь невозможен. Пример Аврамова показывает, как «граница старого и нового прошла сквозь душу одного человека и трагически ее разорвала» [Лотман, 1994, 249].

Авторы мемуарных записок, представленных в настоящей статье, не испытали таких трагических коллизий, их путь был решен окончательно и бесповоротно, и до конца своей жизни они оставались верны избранному пути, но сложности переходного времени отразились и на их судьбах. Здесь особенно показателен пример Куракина. В тех его произведениях, в которых представлена Петровская Россия («Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина», «Гистория о царе Петре Алексеевиче»), можно выделить два слоя записей, характеризующих позицию автора:

- описание различных нововведений;
- описание ближайшего окружения Петра I (литературные портреты).

Как автобиография Куракина, так и «Гистория» изобилуют перечислением новых мероприятий начала царствования Петра Алексеевича. Новшества эти разного уровня — одни повлекли за собой крупные государственные преобразования, другие, более мелкие, частного характера, касались одного города или какой-то одной сферы. Среди наиболее значимых Куракин отмечает организацию морского дела (строительство первых судов и яхт на Москве-реке, озере Переяславском, хождение к городу Архангельску, затем строительство флота в Воронеже); активное общение с иностранцами и затем привлечение их к обучению русских людей военному делу; начало строительства Санкт-Петербурга; реконструкцию в монастырях (отнятие монастырских земель); отмену придворных церемоний: «Что же касается до церемоний придворных, уже в то самое время начало самое настало им изсякнуть» [Куракин, 1987, 381]. Петр не стал выходить в соборную церковь, перестал носить царскую одежду.

Описаны Куракиным и более мелкие новшества: перемена платья на немецкое; ввод новых пошлин: за рыболовство, бортиничество, баню, мытные сборы, за постоялые дворы; обучение дворянских детей навигационным наукам; создание первого театра — «комедии немецкой»; введение Петром новой «забавы» — «огненных потех» (фейерверков): «Как тогда обычай был на конец кроновала или на маслянице на Пресне, в деревне их величества по вся годы, потехи огненные были деланы. И, правда, надобно сие описать, понеже делано было с великим иждивением и забава прямая была мажесте (от фр. *majestueux* — величественный. — В. С.)» [Там же, 384]. Множество этих и других нововведений зафиксированы с пунктуальной точностью летописца. Но для нашего исследования важны преобразования не сами по себе, а отношение к ним автора.

При описании Петровских преобразований можно отметить полную доброжелательность авторского тона, отсутствие какого бы то ни было осуждения. Сравним их с другим тематическим слоем записей — о ближайшем окружении царя, представленным в литературных портретах (конкретные характеристики людей), групповых характеристиках,

в описании «деятельности» этого окружения. Контрастность этих двух тематических групп будет особенно разительной.

Куракин представил ярко окрашенную негативными эмоциями уничижительную характеристику подданных Петра Алексеевича: «...Глупые, худые, без показания всякого добра и заслуги и неизвестные не токмо в других, но и в том деле, в которое и призван, и до ныне обретается, токмо наполнен злости ко всем, пьянства и завидности, и губления как ближних, так и дальних!» [Архив князя Куракина, 1890, 286]. Он стал свидетелем падения первых фамилий государства, т. е. отстранения боярства от управления страной, и выдвижения незнатных дворянских родов. Затаенные личные обиды и неприязнь к «низкому» окружению царя вылились в соответствующие характеристики сподвижников Петра: Федор Ромодановский — «собою видом, как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому»; Франц Лефорт — «дебосан французской»; Матвей Нарышкин — «муж глупой, старой и пьяной».

Не забыты и шуты: Яков Тургенев — «ума рехнулся»; князь Шаховской — «самой злой сосуд и пьяной, и всем злорадство делал»; Василий Соковнин — «муж злой и всяких пакостей наполнен» [Куракин, 1987, 378, 379, 384–386].

Как видим, автор не скупится на темные краски для прорисовки фона «преобразователей» России. Куракин показывает не парадную сторону преобразований (хотя их также он видит и фиксирует в воспоминаниях), а изнаночную, «домашнюю» сторону Петровской России, которая, не будучи зафиксирована, потерялась бы в позднейших оценках Петровского времени.

Куракин принадлежал к старинному дворянскому роду, тяготел к московской аристократии, самый дух низкого «шляхетства», ассоциировавшийся с бескультурьем, невежеством, варварством, ему претил. Реакция Куракина была вполне закономерной: отторгая подобные беспорядки в России, он предпочел военной службе дипломатическое поприще в странах Западной Европы. Так старое и новое своеобразно переплетались и в государстве, и в самом человеке, и трудно было отделить одно от другого.

Еще одна особенность выбора пути должна быть отмечена — этот путь должен пройти через преодоление себя: новый человек, человек высокой культуры, широкой образованности остается во многом приверженным прошлому.

Куракин всегда считал себя несправедливо обойденным наградами, чинами, монаршим вниманием, при всем том, что он самоотверженно трудился на разных поприщах — дипломатическом, военном. Так, Полтавская битва, закончившаяся блестящей победой русских войск, стала для него источником непередаваемых огорчений: «По той баталии все взысканы трумфом подарков, чинами, деревнями, крестами кавалерскими, только за несчастье я один остался. ...Той зимы и по ту бытность имел всегда от сердца прилежание и трудился, себя хотя показать; но оно ни во что вменено и загашено» [Архив князя Куракина, 1890, 286].

После Полтавской битвы князь пережил еще один удар. Увидев холодность к Куракину Петра, Меншиков и прочие изменили к нему отношение: «...Видев премену от главного человека, и другие пременяются во всем» [Там же, 285]. Куракин так и не смог преодолеть острого чувства обиды — это видно и по представленным выше язвительным характеристикам сподвижников Петра I в «Истории», историческом сочинении, написанном им в конце жизни, и по той ноте обиды, на которой он заканчивает автобиографию: «Так для тезоименитства своего был печален, что... не мог удержаться воспоминания злости дней моего жития» [Там же, 287]. Куракин, таким образом, оценивает свою жизнь как неудачную и несчастную.

Исследователь первых русских мемуаров А. Г. Тартаковский связывает возникновение мемуарного жанра в России с ростом самосознания личности именно в Петровскую эпоху. Личность пытается самоопределиться через право писать о себе, право на создание собственного жизнеописания. Не случайно именно в Петровскую эпоху появляется первое автобиографическое произведение, принадлежащее перу Б. И. Куракина. «“Жизнь князя Бориса Куракина...” — этим как бы прямо, возможно даже полемически, заявлялось необычное для культурного обихода конца XVII — начала XVIII в. право человека на свое жизнеописание, на свое светское “житие”, в котором он выступал не каким-либо официальным — государственным или церковным, — а частным лицом с собственной судьбой и биографией» [Тартаковский, 1991, 40]. Человек, решившийся первым на такой шаг, должен был это право завоевать. Это и делает Куракин, во вступительной части ссылаясь на мемуарную практику европейских народов: «Сподеваюся (надеюсь. — В. С.), читающего сие мое описание от самого меня и моего жития будет заирать на что то так описал, и буду писать. И то зазрение, не думаю, от каждой нации или народу, сподаваюся токмо от наших, русского народу, а не от других европских, понеже те обычайны в таких письмах. Для того и я не от себя самого то учинил, но ведав обычай всех...» [Архив князя Куракин, 1890, 244].

Куракин объясняет и вторую причину своего обращения к перу: «Принужден был совестию своею всегда описать то вышеявленное...» [Там же, 243]. Здесь реализуется попытка познания самого себя и своей эпохи, т. е. то, о чем, анализируя данное произведение Куракина, пишет русский историк Е. Ф. Шмурло: «Человек не должен существовать день за днем, жить, не отдавая себе отчета в прожитом. Оглянуться назад — значит, в своем роде подвести итоги, оценить и проконтролировать себя, взвесив свои поступки, и в полученном выводе найти или средство самоисправления, или точку опоры в дальнейшей жизни. Автобиография становится потребностью образованного, мыслящего человека» [Шмурло, 1891, 200].

Именно Куракин, решившийся написать автобиографию, наиболее ярко проявляет свое авторское «я» и в других жанрах — путевых записках, историческом сочинении «Гистория о царе Петре Алексеевиче». В путевых записках он подробно излагает ход своего лечения в Карлсбаде, казалось бы не имеющий отношения к основным записям, фиксируя при этом свои физиологические отправления: «...И первой тот день таких стаканчиков (лечебной воды. — В. С.) 15 пил и вельми было противно, с великим трудом то учинил и было раз 5 — позывалось рвотою, только тянуло мокроту, а рвало только один раз и на низ было один раз, и в то время, как воду пил, вспотел» [Архив князя Куракина, 1890, 120].

В автобиографии Куракин записал один очень значимый эпизод из своей жизни — историю взаимоотношений с римской синьорой Франческой Рота. Строки, посвященные истории этой любви, необыкновенно лиричны и пронизаны еще не остывшей болью: «И так был *inamarato* (*inamare* — влюбиться. — В. С.), что не мог ни часу без нея быть... И разстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот атог не может выйти и, чаю, не выдет. И взял на меморию ея персону, и обещал к ней опять возвратиться...» [Там же, 278]. Отрывок этот замечателен еще и тем, что в нем выразилась необыкновенная творческая смелость автора, решившегося после многовекового запрета на эту тему в древнерусской литературе рассказать о своей любви, причем любви внебрачной.

Еще одна особенность автобиографии Куракина, очень значимая для понимания самоопределения личности, — наличие в этом произведении помимо информации

о себе, что естественно для данного жанра, обширного слоя сведений, касающихся государственных, городских дел, напрямую не связанных с жизнью автора. Этот слой по объему занимает место не меньшее, чем собственно автобиографический. Влияние летописной традиции здесь несомненно (материал располагается в виде погодных записей, как в летописи, на что указывал А. Г. Тартаковский [см.: 1991, 43]), но важно и другое: человек, даже пишущий историю своей жизни, еще не вычленяет себя до конца из истории своей страны, т. е. в какой-то мере сохраняет то родовое начало, которое было присуще древнерусскому человеку

Говоря о росте личного начала в Петровскую эпоху, нельзя не отметить и чувство собственного и национального достоинства, которое русский человек пытался утвердить и в себе, и в странах Запада к своей особе и которым он очень гордился: «Истинно похваюсь, что нации московской никто чести и славы прежде моего бытия не принес. Правда, что себе разоренье во иждивении том понес, однако ж в честь и славу государства российского... К сему ж объявлю, особливую, приемность и любовь в чужих от всех имел, нежели в своих краях» [Архив князя Куракина, 1890, 279].

Толстой фиксирует случаи, когда ему было оказано особое почтение и знаки внимания как знатному «фарестиеру» (путешественнику). На галерах в Неаполе в его честь работники надели цветные кафтаны и играли на музыкальных инструментах; некий неаполитанский дворянин, пригласив Толстого в гости, прислал за ним карету и принял с любовью; в Риме от Папы Римского была прислана карета и сопровождающий для показа достопримечательностей. «Народ римской к приезжим иноземцам зело ласков и приветен, а паче к московским людям безмерно приятны», — с удовольствием отмечает Толстой [см.: 1992, 220].

Граф Матвеев при своем въезде в Париж наблюдал множество народа, собравшегося для встречи посольства: «Не малое число людей всякаго чину смотрели его проезд посольской» [Русский дипломат..., 1972, 54]. При этом хвалили народ московский и одяение посла. Кроме того, король Людовик XIV назначил послу частную аудиенцию во внутреннем королевском кабинете, где, кроме принцев, никого не принимал. Матвеев остался доволен и приемом, и тем впечатлением, которое он произвел на парижан.

Характерно, что именно в Петровскую эпоху человек придавал такое значение достоинству своей личности и престижу своего государства, так как в это время шло становление и укрепление молодого Русского государства.

Таким образом, Петровская эпоха, пробудив самосознание человека, вызвала ряд изменений в литературе: усиление индивидуально-авторского начала и, как следствие, рождение нового литературного жанра — мемуарного. Благодаря ярко проявленному личностному началу, мемуары в какой-то степени опережают жанр романа. Недаром В. Г. Белинский назвал их «последней гранью в области романа». Именно личностное начало мемуарной литературы, как пишет Л. Я. Гаранин, «отличает ее от других форм документальной прозы, делает литературой в полном смысле этого слова» [Гаранин, 1986, 66].

Архив князя Ф. А. Куракина: В 8 т. Т. 1. СПб., 1890.

Вебер Х. Ф. Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // Рус. арх. 1872. № 7.

Гаранин Л. Я. Мемуарный жанр советской литературы. Минск, 1986.

История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Л., 1980.

Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче // Россию поднял на дыбы...: В 2 т. Т. 1. М., 1987.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994.

- Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697—1699. М., 1992.
- Павленко Н. И. Петр I. М., 2003.
- Пыпин А. Н. История русской литературы: В 4 т. Т. 3. СПб., 1911.
- Рерих Н. К. Шамбала. Минск; Москва; Киев, 2000.
- Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972.
- Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991.
- Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе, 1697—1699 / Изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1992.
- Травников С. Н. Путевые записки петровского времени (проблема историзма). М., 1987.
- Федотов Т. П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 2. СПб., 1992.
- Шмурло Е. Ф. Новый свидетель эпохи преобразований // ЖМНП. 1891. № 1.

Статья поступила в редакцию 15.05.07.

Е. А. Струкова

ЖАНРОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРИТЧИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Раскрываются особенности использования Ф. М. Достоевским жанра притчи в аспекте реализации художественной идеи романа.

Притча — жанр, уходящий корнями в глубину веков, во времена древнееврейской, раннехристианской, средневековой литературы. В русскую литературу притча пришла вместе с христианством, с первыми переводами текстов Священного Писания, оказав огромное влияние на всю жанровую структуру. Притча была одним из жанров назидательной древнерусской литературы и представляла собой образную иллюстрацию некоего морального положения. В Древней Руси под притчей понимали и пословицу, и меткое изречение, притчу не отличали от басни. Данная в литературной энциклопедии под редакцией А. В. Луначарского трактовка жанра также строится на сопоставлении притчи и басни. С. С. Аверинцев в литературно-энциклопедическом словаре пишет: «Притча — это дидактико-аллегорический жанр литературы, в основных своих чертах близкий басне» [Аверинцев, 1987, 305]. «Дидактичность притчи в средние века считалась ее основополагающей чертой, в силу чего термин “притча” иногда заменяет первоначальное жанровое определение (сказание, повесть и т. п.) в сочинениях нравоучительного характера», — пишет Е. К. Ромодановская [1985, 43].

Ряд исследователей (В. Бочаров, М. Ильина, Д. Чавчанидзе и др.) развивают мысль о свойственной притче параболжности. Принцип параболы заключается в том, что «повествование удаляется от современного автору мира, иногда вообще от конкретного времени, конкретной обстановки, а затем, как бы двигаясь по кривой, снова возвращается